Идеологические разногласия между представителями кадимизма и джадидизма*

Противоборство защитников старины и поборников нововведений находило отражение во многих социальных и культурных вопросах. Пожалуй, самым острым из них был школьный вопрос и все, что связано с ним. Если в других случаях эти два течения и находили общие точки соприкосновения и иногда могли прийти к компромиссу, то здесь их взгляды были прямо противоположными. Чтобы понять это противостояние, нужно проследить, во-первых, за реакцией старометодистов на новый звуковой метод обучения и на последствия его внедрения в старые конфессиональные школы. Во-вторых, важно не пропустить ответ джадидистов на выпады традиционалистов. И наконец, в-третьих, не следует забывать, что рассматриваемые течения находились под неусыпным контролем властей.

В 1908 г. на имя Министра внутренних дел П. А. Столыпина поступило прошение на татарском языке. Его авторами были двенадцать имамов, которые, однако, не указали своих имен[1]. «Мы, мусульмано-татарский народ, с давних времен составляли общество, которое чистосердечно относилось как к своему великому государю, так и к правительственным лицам»[2]. Далее восхваляется государство за учреждение им Духовного собрания: «Нам от нашего великого государя дарована полная свобода во всех отношениях. Для поставления указных имамов, для построения мечети и медресе и для наблюдения за нашими религиозными делами он учредил Духовное собрание. Для всех мусульман дана религиозная свобода, а также предоставлено свободное вероисповедание. Льгот мусульманам в мусульманских государствах, по сравнению с льготами Великой России, нисколько не больше…»[3]. Затем просители перешли к перечислению своих заслуг перед правительством: «Мы, имамы, объясняя про эти льготы своим прихожанам в мечетях, произносили проповеди и увещевания о повиновении и подчинении правительству, как велят нам Коран и шариат. Мы сдерживали односельчан-

* Статья опубликована при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 06-01-29102а/В.

мусульман от дурных дел, и до сего дня прихожане слушались нас»[4].

Далее следует главная часть обращения, а именно беспощадная критика деятельности джадидистов: «В эти последние годы между нашими татарами появились “мугаллимы” (младшие преподаватели или учителя. — *Авт.*), особого рода общество революционеров. Они пустили жилы по всем татарским селениям России, и большинство их учит татарчат безденежно, а некоторые учат, собирая деньги тут же, где проживают»[5]. Хотя джадидисты будто бы служат религии, «но там, где проживают, они возмущают татарское общество против правительства и вооружают его своими идеями»[6]. Местом, откуда распространяются эти «мугаллимы», старометодисты называют медресе Г. Баруди «Мухаммадия»: «Хотя оно и называется медресе, однако за последние годы оно стало очагом революции. Вышедшие из нее “мугаллимы” суть революционеры, которые под вывеской служения Богу и вере исламской посланы для сбивания с пути татар»[7]. Имамы боятся, что «общество идет за этими “мугаллимами”. Если они взбунтуют общество, то в будущем они могут сместить мулл»[8]. Джадидисты решительно настроены против Духовного собрания, которое «представляет собой скверное старое бюрократическое учреждение, послушное указаниям правительства»[9]. По словам имамов, джадидисты могут или сами отобрать у них школы, или настроить на это общество[10].

Одно из мест прошения характеризует отношение населения к мугаллимам: «Если указные не одобряют хоть одного их дела или если скажут, что их (“мугаллимов”. — *Авт.*) дела противоречат шариату, то общество, следующее за “мугаллимами”, исключает таких мулл из мусульманства, объявляет каждому делу мулл бойкот и принуждает их или молчать, или следовать за ними»[11]. Подобное утверждение мулл имело под собой известное основание. После революции 1905 г. среди татарского крестьянства усилилась тяга к новометодной школе. Вследствие этого консервативная школа и мусульманское духовенство теряют среди населения свой былой авторитет.

Далее просители подробно останавливаются на планах, выработанных комитетом «Аль-Ислах» (Реформа) в Казани, и на осуществляемых новометодистами мерах. Во-первых, согласно документу, казанское медресе «Мухаммадия» выпускает мугаллимов, которые обучают детей по новому методу, вселяя в их души враждебное отношение к правительству. Под вывеской ислама они развращают и обманывают простых людей. В конечном счете это приводит к тому, что татарское общество восстает против правительства. Во-вторых, мугаллимы хотят заставить читать во время пятничной службы хутбу (проповедь) на татарском языке. По шариату чтение хутбы на татарском языке запрещено. Это приведет, по утверждению имамов, к тому, что в мечетях вместо отправления богослужения и чтения молитв будут произноситься речи, насквозь пропитанные революционным духом. И, наконец, последнее: новометодисты, как полагают авторы документа, стремятся во что бы то ни стало забрать Духовное собрание в свои руки. В будущем они хотят установить выборы муфтия и кадиев (судей) из общества, выпускать свои газеты и журналы. Если это не удастся, они готовы пойти на решительный шаг: остановить деятельность и ликвидировать собрание, поскольку оно очень сильно мешает мугаллимам вершить свои дела[12].

В ответ на планы и цели новометодистов имамы в прошении выдвигают свои: 1) мектебы должны состоять под наблюдением указных и присяжных мулл; 2) муллы будут обязаны доносить Духовному собранию или безбоязненно объявлять полицейским властям о таких мугаллимах; 3) Духовное собрание должно поддерживать только мулл, а не мугаллимов; 4) недопущение воспитанников медресе «Мухаммадия» на должности мулл[13].

Подобного рода прошения, различные по форме и примерно одинаковые по содержанию, имамы писали неоднократно. Например, 8 апреля 1909 г. на имя П. А. Столыпина от группы мусульман (122 человека) г. Троицка Оренбургской губернии под началом мещанина Ш. Шагиахметова поступило прошение, авторы которого ходатайствовали

о закрытии в Троицке Благотворительного мусульманского общества, библиотеки «Наджат» (Спасение) и Общества приказчиков[14]. Следует отметить, что к концу XIX в. благотворительные общества, являвшиеся для татар единственным источником финансирования их социальных, духовных и просветительских нужд, начали приобретать особое значение. Джадидисты использовали их для создания новометодных медресе. Такое положение дел не устраивало консервативную часть татарского общества. Их точку зрения довольно точно передал журнал «Дин вә мәгыйшәт» (Религия и жизнь): «Реформаторы открыли… разные общества под названием “мусульманские общества благотворительности”. Они тратят деньги на открытие мектебов для того, чтобы учить народ грамоте, арифметике… Общества отдают предпочтение тем мектебам, где обучение идет по звуковому методу, но они в то же время категорически не дают денег на старые мектебы и таким образом стараются уничтожить эти последние… Если теперь спросить у детей, какие главные основы ислама, то они отвечают, что не знают, так как этому их не учили… А в конце концов разбивают в пух и прах слова “благотворительность” и “мусульманское”, и остается для них только одно слово — “общество”»[15]. Однако, вопреки ожиданиям старометодистов, ходатайство Ш. Шагиахметова удовлетворено не было. Как показало дознание, в деятельности вышеупомянутых учреждений ничего противоправительственного не было[16].

Подобным является и прошение на имя оренбургского губернатора от 20 мая 1910 г., подписанное 500 мусульманами г. Троицка. В нем говорилось, что «подрастающее поколение, обучающееся и воспитывающееся по книгам с надписью “Ысул джадид” (Новый метод. — *Авт.*), стало относиться с неуважением к святым заветам старины, обычаям и обрядам, к старикам, откуда один шаг до неповиновения властям»[17]. Корень зла просители усматривали «в новом методе и новых предметах преподавания в мектебах и медресе»[18]. Все содержание прошения сводилось к следующему требованию: «Покорнейше просим изъять из обращения новые учебники и устранить от преподавания в татарских школах учителей с новым направлением, а также поручить проверить степень их благонадежности и правильность направления их воспитания»[19].

15 ноября 1913 г. Ш. Шагиахметов вновь обратился с прошением. На этот раз он выступил от имени некоей группы. Содержание текста документа касается обучения по новому методу: «Мы, группа по мусульманским делам и последователи Мухаммеда, недовольны наукой (новым методом. — *Авт.*)... Мы не согласны с учением, которое идет против Корана, против учения пророка Мухаммеда и нашего государя императора»[20]. Группа прямо заявляет, что не станет учиться и обучать по новому методу, а «муллы, которые не будут обучать предметам религии, не должны исполнять должность имама»[21].

Наряду с такими прошениями, идеи старометодистов нашли отражение и в протоколах допросов полиции с целью выявления политически неблагонадежных лиц. Например, в протоколе допроса от 11 мая 1911 г. крестьянина д. Верхний Шеленгур Зюринской волости Мамадышского уезда Б. Музафарова сообщались имена новометодистов и школы, которыми они заведовали. Среди них указной мулла д. Сосновый Мыс Кабак-Куперской волости Н. Камалютдинов и его свояк М. Бигиев, который, по словам Б. Музафарова, разъезжал «по уездам с целью подстрекательства мулл»[22]. К указанным лицам крестьянин присоединил имена следующих мулл: Г. Гайнанов (д. Средний Шеленгур Зюринской волости); К. Ахматханов (д. Верхний Сунь); М.-Г. Аитов (д. Нижний Ослан); С. Гайметдинов (д. Билятлей) и В. Ибрагимов (д. Шандер)[23]. Все эти лица «стараются малопомалу посвятить в свое дело своих прихожан, собирают на свои преступные цели деньги в мечетях. А по новому методу ведут обучение давно, лет 20-25»[24]. В другом допросе, проведенном 23 июня 1911 г. с привлечением муллы д. Нижний Шандер Зюринской волости Мамадышского уезда М. Хабибрахманова, к этим фамилиям добавляются еще несколько: Л. Камалютдинов

(д. Сосновый Мыс), А. Тазетдинов (д. Качемир), М. Музафаров (д. Псяк) и Ш. Хайруллин (д. Тогуз)[25].

По словам М. Хабибрахманова, эти новометодисты получили учебники «бесплатно от казанского купца Садыка Галикеева, причем многим из этих мулл книги доставлялись на дом крестьянином дер. Псяк Мубаракшей Ахметовым, который сильно симпатизирует новому учению»[26]. Отношение самого М. Хабибрахманова к новому методу отрицательное, потому что «легко обучившись грамоте, народ прозреет. Татары заживут совсем другой жизнью, у них будут свои чиновники, законы и новые порядки. А все это приведет к тому, что татары отделятся от русского государства»[27]. В конце допроса М. Хабибрахманов указал на муллу д. Большие Ибраши Елабужского уезда Ш. Фаизова, который разъезжал по деревням Мамадышского уезда и ратовал за то, «чтобы муллы обучали детей своих прихожан по новой форме»[28].

Таким образом, новометодная школа натолкнулась на жесткое сопротивление со стороны духовенства. Видный национальный общественный деятель казанский купец С. Галикеев, который был тесно связан со знаменитым ишаном г. Троицка З. Расулевым, в 1898 г. писал: «В Казанском уезде есть такие места, где если будешь обучать по новому методу, муллы и баи скажут, что ты русский и уверят в этом народ»[29].

Как и их идейные противники старометодисты, джадидисты выступали с заявлениями и обращениями в разных периодических изданиях. Так, прочитав в газете «Бәян әль-хак» (Разьяснение истины) (1908. – № 237) и журнале «Дин вә мәгыйшәт» (1908. – № 4) клевету по поводу новометодного обучения, группа троицких мулл в составе З. Расулева, А.-Х. Рахманкулова, М.-З. Бикматова и А. Мухамеджанова обратилась 23 февраля 1908 г. с письмом в Оренбургское магометанское духовное собрание с целью объяснения «истинного положения вещей»: «Мы с 1893 года и до сего времени продолжаем обучать учеников мектеба по звуковому методу. Мы одобрили такой вид обучения шакирдов после того, как сами убедились после экзаменов в настоящей его пользе. Так как звуковой метод обучения не противоречит мусульманским законам, мы и впредь будем продолжать это дело»[30]. Далее авторы призвали вводить новые порядки в школьную систему образования, смело прокладывать дорогу новшествам[31].

А вот как суммировал взгляды кадимистов в сфере школьного образования видный общественный и политический деятель Ю. Акчура: «1. Мусульмане никогда не должны быть европеизированы. Они должны сохранить тот образ жизни, который вели их отцы. В своих школах они должны учить старые дисциплины в соответствии со старой системой. География, математика, история и знания о природе являются ненужными. Они не должны даже учиться на своем родном языке. Арабский язык достаточен для них. 2. Не нужно обучать женщин в мектебах и медресе. Женщин нужно обучать вещам, связанным с религией, и как им молиться еще в детском возрасте. Они выучат все остальное, что им нужно, от своих мужей после замужества. 3. Изучение русского языка абсолютно не рекомендуется, и обучение в русских школах является величайшим грехом»[32].

В истории нового метода было немало случаев, когда учебное заведение нового типа открывалось по инициативе джадидистского духовенства. Так начали свою жизнь казанские медресе «Марджани», Азимовское, «Усмания», «Мухаммадия», медресе «Иж-Буби» Вятской губернии, «Хусейния» Оренбурга, медресе в д. Тюнтерь Вятской губернии.

Верная служба старометодного духовенства царизму во многом объяснялась материальной заинтересованностью имамов. Жизнь приходов, дело обучения в мектебах и медресе находились полностью в их руках. Они опасались потери своего влияния и источников доходов в случае победы новометодистов.

Мощным союзником кадимистов стало правительство. Государственная политика в области просвещения, хотя и претерпевшая определенные изменения в пореформенный период, в своих базовых чертах вплоть до 1917 г. оставалась имперской, шовинистической. Суть ее

достаточно точно передает решение VII дворянского съезда (1911 г.): «Правительственная школа не может иметь инородческого характера, в ней должен, без каких-либо уступок, господствовать государственный язык. Обучение должно вестись на русском языке»[33]. Наличие союза между кадимистами и царскими властями в борьбе с джадидистами отмечал в 1913 г. и Министр внутренних дел Н. В. Маклаков. «Движение в пользу новометодных школ, — писал он, — встретило противодействие в лице консервативных представителей мусульманского духовенства… Будучи движимы побуждениями чисто религиозными, такие лица, в сущности, сами того не сознавая, являлись союзниками властей в борьбе с нежелательной, с государственной точки зрения, национализацией мусульманской школы»[34]. Далее Н. В. Маклаков требовал от местной администрации поддержать кадимистов в стремлении воспрепятствовать развитию светского образования у мусульман.

Контроль над старометодными школами не только не ослабевал, а напротив — все более усиливался.

В Казани в августе 1907 г. проходил съезд директоров народных училищ и начальников учительских школ Казанского учебного округа по вопросам начального образования. Среди прочих значился вопрос о том, какое направление новометодисты придадут мектебам и медресе, имевшим ранее чисто конфессиональный характер. По этому поводу докладчик Н. А. Спасский говорил: «Новаторы-татары желают изъять медресе и мектебы из ведения своего духовенства и сделать их земскими, привлекая денежные средства земств для расширения мусульманского школьного дела. Казанское и Тетюшское земства уже весьма хорошо отнеслись к этому и выразили готовность удовлетворить желание татар. Эти новаторы возбуждали также… подавать прошения об отпуске земских сумм на татарские национальные школы»[35]. И далее: «Хорошо еще, что муллы настроены враждебно против нового течения в школьном деле. Мы отлично уживались с татарами при старых порядках, новые же порядки порождают взаимный антагонизм. Все эти новшества для русского дела вредны»[36]. Характеризуя шакирдов, Н. А. Спасский говорил: «Прежние шакирды посещали мечети и все-таки были настроены мирно, а шакирды нового направления, надевая европейский костюм, мечетей не посещают, ко всем обрядам веры своей относятся более чем индифферентно, зато к нам относятся враждебно»[37].

«Была пущена легенда, что правительство посягает на чистоту мусульманской религии, масса была взбудоражена, и жандармерии пришлось столкнуться с бурным народным движением, которое волной прокатилось по всему мусульманскому населению нашего востока, преимущественно в пределах Оренбургского учебного округа, — отмечал другой докладчик А. Н. Деревицкий. — Такими-то приемами передовые прогрессивные деятели среди татар хотят провести новые, притом несомненно враждебные для русской государственности, начала, опираясь на невежество масс»[38]. Он полагал, что татарская школа нового типа преследует цель объединения различных народностей, исповедующих ислам, на почве языка[39].

Еще одно направление, на которое обращало внимание царское правительство, — это выезд новометодистов в области Средней Азии для работы с киргизским (казахским) населением. Документы Государственного архива Оренбургской области свидетельствуют, что в Сырдарьинскую и другие области Туркестанского края в течение нескольких лет на летнее каникулярное время выезжали молодые татары-мударрисы и открывали летучие юрты-школы для местных киргизских детей. Обучение здесь велось без какого-либо разрешения по звуковому методу — и далеко не в интересах русской государственности. Даже большая плата за обучение (100 рублей за лето) не отпугивала детей, и пришлые учителя набирали в свои школы значительное число молодых киргизов и даже учеников русско-туземного училища. На зиму некоторые местные киргизы отправлялись в Уфу, где учились в медресе «Галия». Самым тревожным правительству виделось то, что приезжие учителя внушали киргизам, что русские школы для них

излишни, так как русскому языку можно научиться у мударрисов с помощью татарских учебников-самоучителей, а другие предметы могли преподаваться только на татарском языке. Среди киргизов распространялись также брошюры «вредного направления» на киргизском языке, отпечатанные в Уфе в типографиях товарищества «Каримов-Хусаинов и К°», «Восточная печать» и в Казани в типографии братьев Каримовых[40].

Таким образом, по мере усиления новометодного движения возрастало и противодействие кадимистов, местных властей и правительства. Борьба между ними захватывала все сферы общественной жизни, кроме собственно образования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 21, оп. 2, д. 625, л. 35.
2. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Л., 1990. – С. 34-35.
3. Там же.
4. Там же.
5. ГАОО, ф. 21, оп. 2, д. 625, л. 35 об.
6. Там же, л. 36.
7. Там же.
8. Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч. – С. 36.
9. ГАОО, ф. 21, оп. 2, д. 625, л. 36 об.
10. Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч. – С. 36.
11. Там же.
12. ГАОО, ф. 21, оп. 2, д. 625, л. 37-37 об.
13. Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч. – С. 36-37.
14. ГАОО, ф. 10, оп. 2, д. 114, л. 31 об.-32.
15. Мухаметшин Р. М. Ислам в татарской общественной мысли начала XX в. – Казань, 2000. – С. 71-72.
16. ГАОО, ф. 10, оп. 2, д. 114, л. 32 об.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же; Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч. – С. 38.
20. ГАОО, ф. 21, оп. 9, д. 4. л. 44.
21. Там же.
22. НА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 786, л. 67.
23. Там же, л. 68.
24. Там же, л. 67 об.
25. Там же, л. 68.
26. Там же, л. 71 об.
27. Там же.
28. Там же, л. 72.
29. Әхмәт бай. – Оренбург, 1913. – 130 б.
30. ГАОО, ф. 10, оп. 2, д. 174, л. 45 об.
31. Там же, л. 46.
32. Хабутдинов А. Ю. Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII-XIX вв. – Казань, 2000. – С. 141-142.
33. Исхаков Д. М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. – Казань, 1997. – С. 28.
34. Абдуллин Я. Г. Джадидизм и идейная борьба в татарском обществе // Очерки истории татарской общественной мысли. – Казань, 2000. – С. 155-156.
35. ГАОО, ф. 21, оп. 2, д. 618, л. 12.
36. Там же.
37. Там же, л. 12 об.
38. Там же, л. 13.
39. Там же.
40. Там же, ф. 4, оп. 2, д. 618, л. 21-21 об.

Рустем Мухаметшин,
кандидат исторических наук,
Дамир Исхаков,
доктор исторических наук